

ду понятия «общество» (не говоря уже о том, что на этом пути трудно определить специфику объекта социальной антропологии). Представление о социокультуре, на мой взгляд, не решает проблемы. Понятие слишком громоздко и составлено из неопределенных величин.

Важным фактором, определяющим особенности развития науки, является и историческая традиция. В этнографическом знании сливаются по сути дела все представления о человеке, его деятельности и связях с окружающим миром. В процессе своего формирования этнография усваивала достижения многих естественных и гуманитарных наук, специальных дисциплин. Специфика этнографического знания обусловила и современный бурный процесс образования пограничных исследовательских зон, сопровождающийся разработкой изощренных процедур и методик исследования, соответствующих конкретно-методологическим ориентациям.

Но вместе с тем получается, что это работа по складыванию из высококачественных материалов здания, у которого нет общего проекта. Это также одна из причин того, почему в западной этнографии наблюдается столь обостренное внимание к методологическим проблемам, не затихают разговоры о «кризисе» науки. Что же это: кризис роста или кризис веры? Размывание предметной области науки или естественный процесс развития знания?

На этом пути предстоит сложная работа по соотношению методологических понятий, в ходе которой еще придется осмыслить названный процесс. Стремление решить эту задачу наблюдается в рамках социокультурной традиции. Вместе с тем как в советской, так и в зарубежной западной этнографии существует стремление к сопоставлению, сравнительному взаимному анализу методологических достижений и использованию опыта.

И все же, если говорить о кризисе, то это, на мой взгляд, скорее кризис роста. Этнографическая наука — «полигон», где «испытываются» теоретические, методологические концепции, важные для обществоведения. Этнография, как никакая другая наука, обладает возможностями для сравнительного анализа, во многом заменяющего экспериментальную проверку истинности предположений точных наук. Возможно, в этнографии вырисовывается прообраз будущей синтезированной науки о человеке. Процесс интеграции будет постоянным и естественно сочетаться с процессом диверсификации, процессом самоопределения специальных направлений в рамках общей теории, методологии этнографии как целостной науки. Ее социальная роль во многом будет зависеть от этической ориентации методологических разработок.

Пример критического осмысления опыта зарубежной этнографии представляет книга А. А. Никишенкова. Она являет собой образец позитивной критики, под которой здесь подразумевается ее достоверность, конструктивность, проблемность.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. В. Бромлей. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. 332 с.

Рецензируемый труд продолжает серию успешных исследований автора в области этнической и этнографической проблематики.

Тематика книги весьма обширна в проблемном, временном и территориальном планах — от терминов, обозначающих этносы древности, и компонентов этносоциальной структуры средневековья до современных этнических проблем в мире и международных отношений в советском обществе. Этносоциальные общности, их изменения, их взаимоотношения — вот объединяющий стержень всех работ, включенных в книгу.

Большая часть книги посвящена современным этносоциальным процессам при социализме, итогам и задачам их изучения, а также идейно-политическим аспектам этносоциальной проблематики. Среди других проблем здесь раскрывается историческое значение ленинской национальной политики, рассмотрено развитие конституционных основ советского многонационального государства, говорится об особом значении вопросов управления национальными процессами, которые должны решаться «совместными усилиями теоретиков и практиков, усилиями представителей всех наук, прямо или косвенно изучающих практику и теорию национальной жизни как у нас в стране, так и за рубежом» (с. 254) ¹.

¹ Кстати, о зарубежье. В последнее время, несмотря на противоречия и силы торможения, страны ЕЭС на основе интенсивной экономической интеграции переживают

За годы социалистического строительства произошло коренное изменение межнациональных отношений в СССР. Идеи советского патриотизма и интернационализма овладели сознанием советских людей. Но ряд извращений ленинской национальной политики в периоды «культы» и «застоя» (не могу избежать эвфемизмов) породил проблемы, которые сейчас привлекают к себе внимание общества. Эти проблемы столь обширны, что не могут быть рассмотрены в данной рецензии. Ясно, однако, что прошло время, когда некоторые ученые могли ограничиваться ссылками на то, что «при нашем социалистическом строе» «нет общественных сил», действия которых могут отрицательно повлиять, скажем, на международную обстановку или на межнациональные отношения в стране. Этот чуждый ленинской методологии убавкивающий общественность автоматизм, при котором вместо анализа фактов было достаточно сослаться на социалистический строй, принес немало вреда не только науке, но и социализму. В книге особое внимание уделяется раскрытию причин негативных явлений в сфере национальных отношений. Особо подчеркивается, что задачи демократизации общества и ускоренного развития социализма ставят перед общественными науками проблемы исключительной важности, рассматриваются многие из этих задач.

Как специалист в области всеобщей истории сосредоточу внимание на трактовке Ю. В. Бромлеем некоторых аспектов общеметодологической проблематики этносоциальных процессов, имеющих особое значение для историков. Поскольку некоторые вопросы структуры этноса и этнических процессов остаются дискуссионными, автор рецензируемой книги с учетом высказанных в литературе в последнее время различных мнений продолжает научную полемику. Эти разделы, на наш взгляд, представляют особый интерес. В частности, автор книги несомненно правомочен использовать понятия «полные» и «неполные» структуры этносоциальных организмов (первые включают «основные социальные группы (классы), присущие обществу соответствующей формационной принадлежности», с. 17; полная социально-классовая структура включает «все основные классы, типичные для соответствующего общественного строя», с. 99). Историки, изучающие процессы перехода от эсо феодальной формации к эсо формации капиталистической, систематически встречаются с проблемой полных и неполных структур. В связи с этим хотелось бы добавить следующее. Во-первых, если феодальные народности могли обладать как полной, так и неполной структурой (когда класс феодалов был инонациональным), то сформировавшиеся нации являются эсо непременно с полной структурой, а ядром самого процесса их формирования и было складывание этой структуры. Во-вторых, когда автор с достаточным основанием утверждает, что этносоциальные организмы позднефеодальной эпохи (народности) «в конечном счете, как правило, восстанавливали» полную структуру (с. 18), то речь идет уже о структуре не феодального, а буржуазного общества, т. е. о складывании наций (таковы чехи, а несколько позднее словенцы, болгары и др. в XIX — начале XX в.). В Центральной и Юго-Восточной Европе это действительно являлось правилом (исключение — лужицкие сербы), тогда как в Западной Европе примеров противоположного характера больше (уэльсы, бретонцы и другие этносы, которые Ю. В. Бромлей характеризует как народности буржуазного общества). Удачным является тезис о существовании «микронаций» — малых этносоциальных организмов с полной структурой современного капиталистического общества и своей государственностью (лихтенштейнцы и др.). Это понятие необходимо для создания реальной этнической картины современности.

Ю. В. Бромлей останавливается на дискуссии о понятии «народность». По моему мнению, — это точка зрения историка, занимающегося эпохой перехода от феодализма к капитализму, — до недавнего времени действительно не выдвинуто идей реального усовершенствования современного понятийного аппарата науки об этносах докапиталистических классовых обществ. Единственным, на первый взгляд наиболее удачным представляется термин «демос», предложенный еще в 1964 г. С. А. Токаревым для рабовладельческого общества. Но кроме возражений Ю. В. Бромлея, имеющих практический характер, хотелось бы обратить внимание на то, что демос-этнос классической античности (Греция, Рим) не включал рабов, тогда как общества Древнего Востока имели в значительной степени иную этносоциальную структуру: иноземцы-рабы, по-видимому, не являлись здесь единственным (а вероятно, и главным) объектом эксплуатации. Следовательно, понятие «демос» имело бы разное содержание, было бы многозначным, как, впрочем, и предложенный в книге термин «палеос» (с. 43), который вместе с термином «мезос» (для средневековья), возможно, поможет разграничить народностей рабовладельческой и феодальной формаций.

Возвращаясь к термину «народность», хотел бы подчеркнуть, что главное здесь, на мой взгляд, это четкое различие народностей докапиталистических формаций, применительно к которым этот термин означает основной тип этносоциальной общности, и народностей капиталистической и социалистической формаций, которые являются малочисленными общностями, составляющими незначительную часть населения государства и располагающими относительно слабыми внутренними связями и неполной структурой общества. Данные общности автор называет «вторичными народностями» и под-

процесс кооперации и сближения в самых различных сферах — от политических учреждений, права, культуры, идеологии до медицины и т. д. Массы людей разных стран свободно вступают в контакты друг с другом. Наша печать, радио, телевидение в последнее время доставляют значительную информацию обо всем этом. Однако наука до сих пор игнорирует этот далеко не однозначный, но реальный процесс, в котором участвуют сотни миллионов людей, еще несколько десятилетий назад разделенных ожесточенной политической и этнической враждой.

черкивает, что в сущности речь идет не о подтипах одного типа этнических общностей, а о разных категориях (с. 27).

Здесь же замечу, что несмотря на известное неудобство, связанное с многозначностью, историки благополучно «обходятся» в своей работе имеющейся терминологией («феодалная народность» и т. д.)².

Вообще у ряда народов, подвергавшихся национальному угнетению, формирование «своего» класса буржуазии являлось тем компонентом этносоциального процесса, который встречал наибольшие трудности, поэтому, например, при капитализме лужицкие сербы, не имевшие национальной буржуазии, по своей социальной структуре несравненно больше отличались от немцев, чем в настоящее время, когда в условиях социалистического строя как немецкая нация в ГДР, так и ассоциированная с нею немногочисленная сербо-лужицкая народность имеют близкую структуру (рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция). В какой-то мере эта тенденция — сближение по своей социальной структуре с окружающим населением — присуща всем народностям в условиях социализма, с этим связано превращение наиболее развитых из них в нации.

Значительное место в книге уделено формированию этнического самосознания, в частности важной в истории ряда народов проблеме соотношения религиозного и этнического сознания. Обширный материал новой истории Центральной и Юго-Восточной Европы подтверждает тезис, что доминирование сознания религиозной принадлежности не означает полного отсутствия представлений о принадлежности к этнической общности, определявшейся, например, по языку. То же можно сказать о господстве среди класса феодалов в позднее средневековье представлений о так называемой «государственной нации» и ее (т. е. класса феодалов-землевладельцев) «историческом праве» на территорию государства (Венгрия, Польша). Эти представления не означали отсутствия этнического самосознания, хотя оно было ослаблено.

Ю. В. Бромлей последовательно придерживается характеристик этносоциальных организмов в зависимости от их социальной структуры (с. 30—31, 43—44, 50 и др.). При определении наций также «ведущее значение придается социально-экономическим параметрам» той или иной формации (с. 31). Приходится вновь отмечать этот, казалось бы, уже известный теоретический аспект, поскольку для историков с ним связано определение критериев начала и завершения процесса формирования нации. К сожалению, в исторических работах до сих пор встречаются попытки определить последний рубеж в отрыве от социально-экономических критериев, только на основе проявившегося чувства патриотизма и т. п. Практически в этом случае солидные научные критерии исчезают, и авторы таких работ встают на почву, открывающую возможность для произвольных выводов.

Актуально также утверждение автора о «зыбкости критерия» классификации народов по общности происхождения «в силу обычных для этногенеза многочисленных взаимодействий самых разнообразных народов» (с. 58). Этот тезис Ю. В. Бромлея получает широкое обоснование в разделе книги, посвященном критике современного расизма.

Наконец, в связи с имевшей место полемикой автор подробно аргументирует обоснованность причисления нации к этническим общностям, все исторические типы которых сопоставимы по таким свойствам (этнокультурным показателям), как язык, культура, особенности психики. Вместе с тем в этих исторических типах (племена, народности, нации) органически сочетаются социальные и этнические начала. В настоящее время вне этих выводов уже невозможно претендующее на научность конкретно-историческое изучение этносоциальных процессов.

В заключение подчеркнем, что книга Ю. В. Бромлея полезна не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей, стремящихся приобрести научные знания в одной из сложнейших областей обществоведения.

В. И. Фрейдзон

² См., например: Мыльников А. С., Фрейдзон В. И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII—XIX веках // Вопр. истории. 1987. № 8. С. 60—78.

НАРОДЫ СССР

О. С. Лукьянец. Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX — начале XX в. Кишинев, 1986. 114 с.

Последние десятилетия характеризуются возросшим вниманием советских исследователей к выявлению, обобщению и критическому анализу этнографического наследия дооктябрьского периода. Овладение любой наукой, в том числе этнографической, возможно лишь тогда, когда прослеживается исторический ход ее развития: когда и при каких условиях она возникла, как протекало ее формирование, какие идейные течения и научные направления нашли в ней свое отражение, каковы ее успехи на различных этапах.